

Этот ливанский еврей – жемчужина израильской разведки

Он родился в Ливане и мальчишкой не мог даже такое представить, что однажды будет служить в Армии обороны Израиля. Но его семья переехала в Святую Землю, и в один прекрасный день его призвали в армию, где он стал настоящей жемчужиной для израильской разведки.

Назовем его К. Если у К. и есть заветная мечта, то прежде всего это побывать в родном Бейруте. Прогуляться по району, в котором рос, встретиться со своими прежними соседями и друзьями. Посидеть в ресторанах, съездить отдохнуть на север, как в детстве.

«Так и знайте, я первым поеду в Ливан, когда это станет возможно», – говорит он.

Старшину К. в Центральном отделении разведки Израиля, называют просто «Ливанец». Он приехал в Израиль со своей семьей, вместе с другими последними из живших в Ливане евреями. А когда призвали в Армию обороны Израиля, то он сделал карьеру в отряде 8200, сосредоточившись на самом знакомом ему регионе и борьбе с Хезболлой – шиитской боевой группировкой, захватившей власть в стране, которая была для него очень любимой и родной.

Сейчас ему под 40, он женат, воспитывает двух дочерей. Его потрясающий уровень знания иврита может легко ввести в заблуждение: кажется, что он сабра, как называют рожденных в Израиле. На самом же деле, когда незадолго до возраста бар мицвы К. приехал в Святую Землю, он не знал ни единого слова. Все, чего добился в изучении языка, его собственная заслуга. Слово за словом, предложение за предложением – он сам

старательно выучил иврит в совершенстве.

Родной язык у К., конечно же, арабский, а, кроме того, как и любой образованный ливанец, он прекрасно говорит на французском и английском языках. Учился он в христианской школе, и почти все его друзья были христианами.

«Большинство евреев уехали из страны раньше нас. Основная часть – после Шестидневной войны, остальные – после войны Судного дня. Те, кто остались тогда, потихоньку стали разъезжаться, когда в 1975 году началась гражданская война. Многие переехали во Францию или Канаду, потому что знали французский, а кто-то даже в Бразилию», – рассказывает он.

Но его родители тогда все еще продолжали жить в Бейруте – очень любили свой родной город.

«Они были уверены, что в обозримом будущем война закончится и можно будет расслабиться, но, как и другие евреи, оставшиеся в Бейруте, все-таки решили переехать немного севернее, в более отдаленный горный район. Родители думали, что, когда боевые действия утихнут, вернутся на прежнее место, но этого так и не произошло, поэтому мы продолжали оставаться на севере».

Отец К. был успешным продавцом, а мать домохозяйкой. Старшина вспоминает свое счастливое детство в обычной семье: двое родителей с четырьмя детьми, сыном и тремя дочками.

Оглядываясь назад, К. может сказать, что в те времена евреи в Ливане подвергались серьезным преследованиям, но его семья никогда этого не почувствовала на себе – так повезло.

«Я не помню, чтобы когда-либо боялся сказать, что я еврей. Наши соседи прекрасно знали, что мы евреи. Папа родился в религиозной семье, поэтому и нас приучил отмечать главные праздники – Песах, Рош а-Шана и другие».

К слову, на Песах их семья получала мацу из Сирии, где все еще существовала большая еврейская община во главе с раввином, там

была возможность производить кошерное мясо и печь свой хлеб.

«В Ливане все это исчезло, но мы научились поддерживать свою еврейскую жизнь, живя среди христиан. Отец молился дома. В Йом Кипур один из соседей приходил перед окончанием поста, чтобы согреть нам еду, и мы могли поесть сразу после исхода праздника, а кто-то перепарковывал нашу машину, если она вдруг кому-то мешала, чтобы нам не пришлось нарушать святые дни».

Вам не было страшно?

«Общество принимало меня там так же, как принимает ливанских христиан. Я учился в христианской школе, там предполагались определенные занятия по религии, и все, кому было нужно, знали, что я еврей, и разрешали не посещать эти уроки. Конечно, я не кричал о своем еврействе на каждом углу, но мне никогда не было стыдно или страшно сказать, что я еврей».

По понятным причинам семья К. Старалась не оказываться в шиитских районах Бейрута.

«Как я уже говорил, мы жили в христианском районе, который был в этом плане защищен. Но стоило оказаться немного южнее, как обстановка накалялась. Отцу не нравилось бывать в таких местах. И, хотя у него были связи с военными, которые позволяли ему там проходить, он все равно был очень осторожен и старался этого не делать».

К. вспоминает множество поездок, в которые он в детстве отправлялся с родителями на отдых. В Ливане было все – от заснеженных гор до залитых солнцем пляжей. Иногда такие поездки могли растянуться на целое лето.

Блок 8200

В порядке вещей во время отпуска семья приезжала в Израиль, чтобы навестить родных матери. Сегодня это звучит как что-то из области фантастики, но в 1980-е годы они спокойно садились в свои машины, ехали на юг к границе, проезжали через Рош а-Никра, а по окончании отпуска таким же путем возвращались домой.

«Я помню праздники, наш отель в Наарии. Обычно мы приезжали на Рош а-Шана, потому что родители брали на эту пору отпуска».

Тогда отец К. был единственным в семье, кто говорил на иврите. Все остальные общались со своими родственниками по-арабски.

В конце 1980-х ездить туда стали реже – появились проблемы с безопасностью, и семья стала все больше задумываться о том, чтобы покинуть Ливан и насовсем переехать в Израиль.

«Папа был сионистом, и он хотел снова обрести возможность жить в теплой и дружной еврейской сионистской общине», – рассказывает К.

В 1993 году было принято окончательное решение о переезде, и семья начала к этому готовиться.

В отличие от сирийских евреев, которым пришлось бежать, спасаясь [K1], даже не думая брать с собой какие-то вещи, ливанские евреи уезжали организованно.

Родители К. рассказали своим соседям, что уезжают жить в Америку, упаковали свои вещи, включая мебель, вызвали грузчиков и перевезли весь свой скарб на корабль, который отплывал на Кипр. Там их встретили представители Еврейского Агентства. После нескольких дней ожидания, в декабре 1993 года, они вылетели с Кипра в Израиль.

Переезд был очень непростым. Другая цивилизация, другой язык. Самому К. и его сестрам пришлось резко повзрослеть и научиться быть самостоятельными. После 6 месяцев в отеле для новых репатриантов они переехали в Холон, где К. впервые познакомился с израильской школьной системой, начав учиться в 7 классе. Это знакомство прошло не очень-то гладко.

«Дети порой бывают очень жестокими. В мой адрес нередко летели оскорбления. Еще они называли меня «Хезболла». Теперь-то я понимаю, что их жестокость была вызвана не столько желанием мне навредить – просто это было единственным, что они знали о моей родной стране».

Желая как-то защититься от нападков, К. при новых знакомствах стал скрывать, что приехал из Ливана. И в какой-то мере это ему удавалось, пока однажды его не призвали в армию.

Разведывательное управление не упустило из виду тот факт, что он родился и вырос в соседней стране, расположенной чуть севернее Израиля. Для отряда, который много работает над обучением арабистов, К. стал настоящей находкой. Он не просто был тем, чей родной язык арабский, но и тем, кто знает Ливан не по книгам или чьей-то информации, но в полном смысле слова изнутри. Настоящий ливанец, знающий культуру, традиции, кухню. «Настоящий ливанец, ливанский еврей» – так он сам себя и называет.

Итак, в 2000 году он был призван в отряд 8200, высшее

подразделение военной разведки ЦАХАЛа, прошел обучение и начал работать радиотехником. Он слушал звонки, анализировал данные, отправлял сообщения и быстро усвоил, что между «его» Ливаном, тем, который он любил всем сердцем и в котором вырос, и Ливаном с Хезболлой, есть огромная разница.

«Не все ливанские жители, которых я знаю, враги. Это очень важно понимать», – настаивает К.

В его глазах Хезболла – враг не только Израиля, но и Ливана.

«Большинство ливанского народа страдает от присутствия этой группировки. И то, что я делаю сегодня, можно назвать службой не только государству Израиль, но и ливанскому народу».

К. не сомневается, что в районе, где он вырос, Хезболла представляет угрозу.

«Они контролируют всё, а заботятся при этом только о своих личных интересах, то есть о шиитском сообществе. В результате всем тем, кто не связан с Хезболлой, наносится серьезный ущерб».

Вы общаетесь с прежними друзьями, соседями?

«Нет. К сожалению, связь со всеми была потеряна. Сначала у моего отца все еще оставались какие-то контакты, но со временем они постепенно сошли на нет. Все-таки в то время еще не было возможности оставаться друзьями в Facebook».

С этой точки зрения, открывается еще один аспект того, почему его родителям переезд в Израиль дался так нелегко.

«В Ливане наша дверь всегда была открыта. Сосед вошел – сосед вышел, все было построено на доверии. Но в Израиле мы оказались в новой ментальности, в которой все были замкнуты в своем узком кругу. Каждый беспокоился о себе и своих семьях. Родителям было трудно смириться с тем, что скорее всего у них никогда не будет таких друзей, как в Ливане».

Вы скучаете по тем временам?

«Папа невероятно скучает. Прошлым летом после взрыва в порту Бейрута я первым делом помчался смотреть новости на ливанских телеканалах, чтобы точнее узнать, что происходит, а потом уже позвонил папе. Ему было очень трудно переварить произошедшее. Там прошли его детство, юность, молодость. С Бейрутом у него связано столько воспоминаний... Помню, я тогда сказал ему: когда же эта страна наконец обретет покой?!»

Отец К. до сих пор живет в Холоне и, несмотря на возраст, работает охранником, чтобы не приходиться домой с пустыми руками. Матери К. не стало 8 лет назад, а сестры продолжают сохранять ливанские традиции, в основном готовя еду по тем же рецептам.

По собственному признанию, К. говорит со своим отцом «наполовину на иврите, наполовину на арабском», хотя «папа думает по-арабски, арабский язык для него продолжает оставаться наиболее удобным».

А как он реагирует, когда видит, что делает Хезболла в Ливане?

«Сейчас папа меньше об этом думает. Он увлекся политикой и часто размышляет на эту тему».

Ливанской политикой?

«Да, конечно. Он всегда смотрит арабские каналы».

И что он говорит о беспорядках, которые там сейчас происходят?

«Нам действительно повезло, что мы уехали. Моим родителям ради этого многим пришлось пожертвовать, каждый из нас заплатил свою цену. Но сегодня все уже смогли устроиться, и он этому рад».

Вы когда-нибудь представляли, что было бы, если бы вы там остались?

«О, да. Но, скорее всего, я бы все равно нашел способ уехать. В Ливане призыв в армию проводится в 18 лет, поэтому, если бы я остался, это стало бы проблемой».

С ВЫСОКО ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ

Во время службы К. перемещался между странами (на языке его специальности это называется «аренами»). Часть времени он работал в Палестине, но большую часть своей службы провел на Ливанской «арене».

Во время Второй ливанской войны он находился на северной базе подразделения, которая подвергалась обстрелу, и занимался «спасением жизней», как он это называет.

«Моя работа заключалась в том, чтобы спасти жизни наших солдат, находившихся в Ливане. Я могу без сомнения сказать, что мы спасли жизни нескольких военнослужащих».

Во время одного из подобных инцидентов они предупредили группу, дислоцирующуюся внутри одного дома, что в их сторону выпущена противотанковая ракета. Все находящиеся в здании были эвакуированы – и благодаря этому выжили.

«Это был трудный период. Вас бомбят свои, и вам нужно переключиться и перейти в «режим войны». Но миссия превыше всего».

И среди всего этого К. не покидали мысли о Ливане – его родном Ливане.

«Я давным-давно провел четкое разграничение между собой как ливанцем и собой как израильтянином. Не думаю, что хоть каким-то образом причиняю вред Ливану. Как я уже сказал, наоборот, я уверен, что действую в интересах жителей этой страны и приношу им пользу».

Кстати, К. больше не скрывает, что он ливанский.

«Раньше я пытался спрятаться, но сегодня высоко держу голову. Я, К., еврей-ливанец. Все, что у меня было, когда я приехал сюда – это лишь стыд, постоянное смущение и желание вести себя так, будто я родился здесь, а не там. Но все это ушло раз и навсегда».

О чем вы говорите с молодыми солдатами, которых встречаете?

«Обо всем. рассказываю, какой была жизнь там, как проходили мои летние каникулы, какие были рестораны, еда. Молодое поколение солдат уже не очень понимает, что есть Ливан, который не является Хезболлой. Другой Ливан», – К. ясно дает понять, что проводит различие между Ливаном как государством и Хезболлой, которая уже много лет держит власть над страной мертвой хваткой.

«Это совсем не одно и то же. Я жил с этими людьми. Я знаю их точку зрения, их культуру. Но точно так же я работаю на северном фронте и вижу настоящее зло. И между этим есть огромная разница».

Сторонники “Хезболлы” смотрят телетрансляцию выступления лидера “Хезболлы” Хасана Насраллы (AFP / фото из файла)

Со временем различия стираются. Хезболла постепенно захватывает весь Ливан и его учреждения, теперь во многих отношениях интересы группировки стали государственными интересами Ливана. И все же это различие важно лично для К., даже несмотря на то, что он в большей степени сосредотачивается именно на противнике – Хезболле, и меньше на общих настроениях в Ливане.

По его словам, руководители Хезболлы – умные люди, которые умеют делать выводы. Но, с другой стороны, это организация, которая осознает свои пределы и пытается с ними бороться.

«Нельзя игнорировать ни Хезболлу и ее мощь, ни наши собственные возможности и силу, и все это они отлично знают».

Пока К. служил, отряд 8200 претерпел кардинальные изменения, особенно в том, что касается перехода от радиотехнической разведки к киберпространству. Если раньше он в основном занимался прослушиванием звонков, то сегодня его обязанности включают в себя множество типов различных сообщений и других данных. В подразделении работает много и других арабистов, но К. – единственный ливанец, и потому считается уникальным специалистом, настоящим источником знаний.

К. близко знаком с Хезболлой. В прошлом году он уделил немало внимания предотвращению попыток группировки атаковать северную границу Израиля в ответ на убийство одного из их боевиков во время атаки, которую в Дамаске приписывают ВВС Израиля.

«Мне не стыдно признаться, что я просыпаюсь каждое утро с определенной степенью опаски, зная, что все может измениться в любую секунду», – говорит К.

И что вы делаете, когда слышите, как Хасан Насралла (генеральный секретарь Хезболлы) говорит, что они будут мстить Израилю?

«Наша работа – всегда уметь опознать реальное намерение атаковать, независимо от того, говорит Насралла об этом в СМИ или нет; и для этого нам нужно быть сосредоточенными и быстрыми. Да, мы ищем иголку в стоге сена. Это непросто. Но мы знаем, что делаем».

А если не получается? Вы же не волшебники, чтобы во всем преуспевать.

«Тогда бывает очень тяжелое чувство. И если хотя бы один солдат убит или ранен, мой мир разлетается на части. Но самое замечательное в нашем подразделении – это умение усваивать уроки. Все мы люди и можем делать ошибки, но идея состоит в том, чтобы знать, как эти ошибки исправить».

Каково быть единственным ливанцем в разведке?

«Об этом легко говорить, но на самом деле я ощущаю на своей спине тяжелый груз огромной ответственности. Прежде всего, перед своей страной, и да – перед Ливаном тоже, ну, или, как минимум, перед частью его граждан.

Одна из моих миссий – это направлять молодых солдат и подготавливать их. Обучать культуре и языку, правильному произношению».

В рамках своей работы К. руководил группой израильских военных в операции «Северный щит», которая обнаружила и нейтрализовала туннели, вырытые Хезболлой для трансграничных атак.

«Мы отобрали у них этот стратегический потенциал, который имел огромное значение. Я был очень горд, когда чувствовал, что поставил точку в этой теме. Они так усердно работали над туннелями, а в конце концов, пришел ливанец, разоблачил их и сорвал все планы».

Ливанец, который помешал ливанцам?

«Который помешал Хезболле. Я точно знаю, что ливанский народ – не Хезболла. Я никогда не знал активистов этой группировки.

Мои друзья были христианами. Хорошими мирными людьми».

Вы называете себя ливанским патриотом. Но ведь ливанцы могут сказать, что вы предатель.

«Прежде всего, я патриот Израиля. Да, я родился в Ливане, но мое сердце и душа – израильские. И, конечно, я хочу спасти и Ливан».

В заключение беседы К. говорит, что, когда 13 августа 2020 года между Израилем, Объединенными Арабскими Эмиратами и США были подписаны соглашения, а спустя месяц то же произошло и с Бахрейном, он подумал о своей родине.

«Я мечтаю, чтобы когда-нибудь соглашения были подписаны и с Ливаном. И тогда я отправлюсь туда первым. Всегда мечтаю об этом дне».

[К1]